

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

***Аннотация.** Право существует, выражает и определяет себя в системе социальных, политических, культурных координат на языке категорий, понятий и определений своего исторического времени. Языки социальных фактов и языки их описания и объяснения, языки права и языки науки права живут, совмещая в себе одновременно институциональное и концептуальное наследие отдельных исторических эпох своего прошлого и настоящего, предвосхищая тем самым границы и параметры языков социального общения будущего. Трём классическим формациям юридических знаний и конструкций, представленным языками правовой мифологии, правовой теологии и правовой теории, корреспондируют свои образы и символы, концепты и культурные практики восприятия и переживания, описания и объяснения правовой реальности каждой исторической эпохи. Ее видение и понимание образуют и репрезентируют, соответственно, конкурирующие институты правового общения и аналитические практики — предметы, языки и дисциплинарные структуры юриспруденции. Генеалогия постмодерна заключена в генеалогии языков социального общения и генеалогии юридических языков их классификаций, конструкций и квалификаций. Институциональная реальность такова, каков концептуальный язык рассуждения о реальности, поскольку грамматика правопорядка заключена в языках понимания и определения нормативных границ социального общения. Языки классической, неклассической и постклассической юриспруденции в их отношениях и переходных состояниях составляют предмет эпистемологии права. Юридические институты и знания — органические части общей правовой реальности. Выявление траекторий и тенденций развития языков правовых систем в динамике фактических и возможных изменений позволяют увидеть новый мир будущих форм и практик социального общения, который заключен в истории развития языка и концептов культуры.*

***Ключевые слова:** право и наука права, классическая юриспруденция и неклассическая юриспруденция, право в определениях языка нормативно-правовых актов, право в определениях языка социокультуры, концепты и институты, постюриспруденция, концептуальное наследие эпохи, концептуальная биография понятий права, эпистемология и аксиология права, лексика и грамматика правопорядка, концептология.*

URISPRUDENCE: FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE SCIENTIFIC DISCIPLINE

***Abstract.** Law exists, expresses, and defines itself in the system of social, political, cultural coordinates in the language of categories, concepts, and definitions of its historical time. The languages of social facts and the languages of their description and explanation, the languages of law and the languages of the science of law live, combining simultaneously the institutional and conceptual heritage of individual historical epochs of their past and present, thereby anticipating the boundaries and parameters of the languages of social communication of the future. The three classical formations of legal knowledge and constructions, represented by the languages of legal mythology, legal theology, and legal theory, correspond to their images and symbols, concepts and cultural practices of perception and experience, descriptions, and explanations of the legal reality of each historical epoch. Its vision and understanding form and represent, respectively, the competing institutions of legal communication and analytical practices – the subjects, languages, and disciplinary structures of jurisprudence. The genealogy of postmodernism is encapsulated in the genealogy of the languages of social communication and the genealogy of legal languages, their classifications, constructions, and qualifications. Institutional reality is what the conceptual language of reasoning about reality is since the grammar of the rule of law is contained in the languages of understanding and defining the normative boundaries of social communication. The languages of classical, non-classical, and post-classical jurisprudence, in their relations and transitional states, constitute the subject matter of the epistemology of law. Legal institutions and knowledge are organic parts of the general legal reality. The identification of trajectories and trends in the development of languages of legal systems in the dynamics of actual and possible changes allows us to see a new world of future forms and practices of social communication, which is contained in the history of the development of language and cultural concepts.*

***Keywords:** law and science of law, classical jurisprudence and non-classical jurisprudence, law in definitions of the language of normative legal acts, law in definitions of the language of socio-culture, concepts and institutions, post-jurisprudence, conceptual heritage of the epoch, conceptual biography of legal concepts, epistemology and axiology of law, vocabulary and grammar of law and order, conceptology.*

...право есть совокупность слов, имеющих власть.

Диего Валадес. Язык права и право языка

Право, прежде чем стать предметом изучения, предстает объектом восприятия и переживания в представлениях повседневного языка своей исторической эпохи. Язык — феномен культуры, выражение конститутивных, внутренних мировоззренческих интенций, ожиданий и настроений [см.: 1; 2; 3; 4; 5]. Он обладает исторической памятью, несет в себе одновременно наслоения прошлого, настоящего и будущего. Язык культуры

лежит в основании правовой реальности. Отсюда собственно и проистекает проблема соотношения фактической правовой реальности, воображаемой правовой реальности и аналитической правовой реальности, соответственно, явления, образа и понятия. Право фактом своего языкового существования одновременно концептуально, контекстуально и конвенционально в своих социальных и культурных проявлениях. Оно производно из *среды* обитания или декораций, на фоне которых сталкиваются желания, интересы и ценности, и *конвенций* социальных и культурных обменов, основанных на доверии или недоверии, признании или непризнании взаимных отношений и правил ролевого поведения. В этом смысле история права есть история перманентного конфликта метаязыков (концептов) и языков социальных отношений — интересов, ценностей и понятий.

Исторически политико-правовые институты, связанные с организацией социальной власти и нормативным регулированием, в своей онтологии, то есть бытийно, имеют место в любой теории. Это — состояние институциональной реальности, еще не ставшей предметом рефлексии, — осмысления и определения. В современных условиях существование права связано с юридическими определениями форм зависимости и нормативного регулирования. В этом аспекте существования правовое развитие определяется базовыми представлениями своей эпохи о должном порядке в организации власти и правил регулирования. Понятие права и есть развернутая в определениях заключенного в нем юридического концепта действительности форма выражения и существования правовой реальности. Правовая реальность — это концептуальная реальность, производная культуры языка своего понимания и определения. Современное правовое развитие не имеет места и не существует вне доктринальных языков и подходов осмысления и управления социальными процессами. В этом плане институты права есть проявление социокультуры, ее ценностных смыслов и доктринальных концептов. Именно концепты или фундаментальные проектные представления и лежат в основании регулирования развития социальных институтов конкретной исторической эпохи [категория «юридический концепт действительности»¹ введена в научный оборот Г. Гаджиевым; — см.: 6].

¹ Значение данной категории понимания права (правил) и науки права (эпистем) фундаментально, поскольку стоит в категориальном ряду с такими цивилизационными конструктами как гештальт Освальда Шпенглера, габитус Пьера Бурдьё, паттерны Йохана Арнасона. Смысл категории заключен не в том, что она является составной частью правовой реальности, содержащейся в ее онтологии. С этим нельзя не согласиться, придерживаясь авторской позиции. Вместе с тем концепты — это не столько часть действительности. Концепты и есть сама действительность в определениях нормативного языка социокультуры своего исторического времени. Ментальная или концептуальная реальность предваряет вещественную или институциональную реальность. Юридическая картина мира в системе ее концептов вмещает в себя возможные проявления заключенной в них действительности. Это ни на йоту не умаляет важность научного открытия автора. Факт введения в юридический язык данной категории имеет значение в становлении новой дисциплинарной области правоведения. Правовая концептология со своим предметом, символическим языком, дисциплинарной структурой и аналитикой перехода от линейной и сегментарной к матричной модели междисциплинарных связей юридической науки — новое поле правовых исследований. Юридический концепт действительности как культурно-

Концептуальное бытие первично относительно всех иных, производных форм существования или форм присутствия социальных явлений в историческом времени и пространстве. Историческое время течет, концепты, существуя во времени, охраняют себя и свою собственную идентичность в институтах, ценностях, этнических мифах и знаниях, пока не произойдет парадигмальный сдвиг, выражающий завершенность социокультурного процесса в рамочных определениях своего концепта ожидания мессии нового неба и новой земли. Изменения в системе концептуального видения мира или юридических картин мира формируют свою институциональную реальность, ее аксиоматику, аналитику и догматику. Исторические следы присутствия юридического концепта действительности прошлого заданы в самой онтологии, аксиологии и эпистемологии правовой системы, в правилах, ценностях и эпистемах настоящего, поскольку это то, без чего его нет.

Концептогенез — составная часть культуругенеза, ментально и когнитивно сущее социального порядка, выполняющее ориентационные и регуляторные функции как практик правообразования, так и практик познания правовой реальности. Предмет историко-культурной генеалогии языка концептуальных парадигм. Концепты, их структура и виды варьируются в широком диапазоне возможных культурно-исторических образований и проявлений. Различные наименования (мифологемы, габитус, эпистемы) обозначают глубинные ментальные паттерны восприятия, переживания и понимания социально-исторических процессов [7; 8] или *историческое a priori* в определении Яна Хакинга [9, с. 16], *априорные основания* Адольфа Райнаха [10], *ноэмы* Эдмунда Гуссерля [11]. Право, прежде чем стать институтом, существует в форме юридических концептов действительности — культурно-исторических ментальных нормативных синтезов эпохи. Наличные институты власти их нормативного регулирования и их переходные формы существуют как социальный факт и мифологическая и религиозная, образная проекция факта в сознании. Факт органического явления до его понятия. Современные институты живут и действуют в доктринальных и концептуальных определениях языка своего времени. Представления, отражая политико-правовую реальность, предметно выражены и заключены в самих институтах. Факт культурного существования явления в исторических репрезентациях своего понятия. Они отражают, создают и формируют, производят, конструируют и легитимируют институциональную реальность.

Социальная реальность живет культурным производством языков общения [см.: 12; 13]. Языки общения воспроизводят социальную реальность. Генезис правовых институтов связан и определяется генезисом языков понимания и определения того, что такое, чем является, чем должно быть и чем может стать право определенной исторической эпохи своего существования.

исторический феномен и метанормативное основание правовых систем обнаруживает себя в пересечениях институциональных и аналитических структур ее существования и выражения, пронизывая все составные уровни и элементы права и науки права.

Право — это одновременно концептуальная реальность, институциональная реальность и языковая реальность. Это симбиотическое отношение, когда одно его проявление переходит в другое и наоборот. Это социокультурный и политико-правовой институт, текст и контекст, синтез идей и представлений, решений и действий. Это система координат социальных, политических, культурных коммуникаций. Ее основания лежат в социально-экономических интересах, культурных ценностях и господствующих концептуальных обозначениях. Политико-правовое развитие современного мира живет в системе не только социальных, политических, культурных, но также языковых и концептуальных координат. Юридическая наука и есть не что иное как доктринальная и понятийная конструкция политико-правовой системы языка определенной исторической эпохи. Эволюция институтов — это эволюция представлений об институтах, выраженных в языках и текстах социокультуры своей исторической эпохи. Становление и развитие институтов — это движение исторических форм юридического мышления. Генезис институтов власти и нормативного регулирования — это и генезис юридических картин мира, правосознания и правовой культуры.

Постмодерн — грядущий мир ухода с исторической сцены одних сущностей — стабильных, структурированных на принципах линейной иерархии и авторитета форм и практик социального общения, их языков, субъектов и институтов, и прихода текучих социальных реальностей с подвижными формами социальных сетей, обозначаемых и обозначающих категорий и понятий. Базовый концепт постмодерна, относительно которого выстраиваются доктринальные и аналитические проекты и тенденции социального развития заключается в различении мира социального ядра и периферии. Постмодерн в своей внутренней доктринальной сути и институциональной практике означает прощание с такими конструктами модерна, как гражданское общество, правовое и социальное государство. Двойственные для своих и других языки и дискурсы постмодерна лежат в основании реальной политики деления социального мира на зоны правопорядка и задворки — депрессивные территориальные анклавы и культурные резервации, закрытое ядро и бесконечную периферию.

Общая архитектура изменений выстроена и определена не только появлением на исторической сцене новых субъектов и институтов, но, прежде всего, языков их понимания, описания и объяснения. Традиционные, иерархически организованные категориально-понятийные ряды замещают глобальные сетевые концептуальные порядки организации и управления реальностью. За внешним и мнимым хаосом юридической грамматики постмодерна прячется жесткий глубинный правопорядок. Ключевая задача постмодерна, так же и других классических форм концептуализации реальности — правовой мифологии и правовой теологии, не только и не столько описать и объяснить реальность в терминах языка постмодерна. Это вторичная тема поиска аналитического инструментария действительности.

Главная же идеологическая и технологическая проблема заключалась в переводе нового категориально-понятийного словаря эпохи в формирующиеся и действующие институты власти, собственности и управления, структурирующие исходные социальные основания любого правопорядка. *Политика именованной и переименованной превращается в синоним существования.* Язык обретает статус культурной реальности — творящей сущности. Производство культурных текстов становится производством социальной реальности. Язык и текст не только отражают реальность, — они превращаются в реальность. Реальность и есть социокультурный текст в определениях концептов и политики производства своего исторического языка и дискурса [14; 15; 16, с. 381–405; 17, с. 5–17; 6].

Аналитическая разработка перечисленных универсальных категорий юридической науки в историческом контексте генезиса и современного состояния в развитии знаниевых формаций и языка права составляет общий предмет таких востребованных практикой научных дисциплин, как историческая эпистемология, антропология права, юридическая лингвистика, когнитивная юриспруденция или концептология объединяемых в общий дисциплинарный кластер. Изучение типологически различных языков социального общения (родовой субъект, культурный герой, индивид) в их эволюционной ретроспективе, языков публичного политического властвования в различных эволюционных форматах организации власти (традиционная, харизматическая, бюрократическая власть), эволюции языков нормативного регулирования (мононорматика, дуалистические и монистические модели) в контексте исторических правопорядков образует новую область юридических исследований и знаний — культурно-историческую или культуральную юриспруденцию [18; 19; 20]. Базовая парадигма дисциплины привязана к категории «юридическая картина мира» или видения миропорядка в представлениях и определениях мифопоэтических (образно-символических), дуалистических (сакральное и профанное) и логоцентрических (понятийные ряды, иерархии и сети) систем организации юридических знаний.

Предмет и историография вопроса

Понимание права как социальной и языковой реальности, существующей в системе категорий и понятий своей исторической эпохи, привело к изменениям в структуре предмета юридической науки, сместив акцент изучения формальных институтов к изучению концептуального языка и аналитического словаря юриспруденции [21; 22; 23; 24; 25]. Разумеется, на начальной фазе переосмысления предмета дисциплины речь не шла о введении в категориально-понятийные ряды новых сущностей и конструкций. Вопрос новой эпистемологии права и культурно-исторической юриспруденции в ее предметных составляющих поэтики и семиотики юридического текста не стоял и не мог стоять в наличной концептуальной повестке дня.

Касаясь истории отечественной исследовательской традиции изучения языка позитивного права, следует обратить внимание, прежде всего, на исследование русского правоведа, профессора харьковского Императорского университета В.Д. Каткова [26]. Работа знаковая, хотя авторская позиция, аргументация и суждения пребывали в рамках стандартной версии понимания права [27]. До лингвистического поворота было еще далеко. Постановка вопроса соотношения языка и мышления, различения мифологического и научного течений в юриспруденции, научного качества используемых терминов и аналитических понятий хотя и была весьма перспективной, но еще не означала существенных сдвигов системы догматической конструкции предмета и категорий дисциплины. Призывая развивать систему категорий юриспруденции, используя результаты языковедения своего времени и критикуя проявления метафизических представлений о праве, автор исключал какую-либо возможность изучения права как самостоятельного социального и культурного явления и предмета анализа за рамками законотворческой деятельности государства.

Новый взгляд в понимании предметной и методологической логики развития юридической науки и концептуальную альтернативу господствующему нормативному понятию права представил Б.А. Кистяковский [28]. Включение широкого социального и культурного контекста эволюции права в построении методологии правовой науки в качестве взаимозависимых оснований и общего предмета юриспруденции, ее социальной онтологии, либеральной аксиологии и критической эпистемологии знания стало новым шагом в исследовании правовой реальности. На фоне развернутой дискуссии относительно разнообразных аналитических подходов в определении права, изложенных в трудах отечественных и зарубежных правоведов своего времени², работа, безусловно, носила инновационный характер.

Эпистемология Кистяковского, включая в свою концептуальную схему такие взаимозависимые структурные категории социального порядка, как общество, право, государство, правосознание и культура, права человека и гражданина, позволила построить интегральную картину мира юридических знаний в определениях социальных интересов, политической воли и культурных ценностей. В рамочных аналитических конструкциях данного подхода было обозначено будущее видение методологической природы науки о праве как комплексной дисциплины, объединяющей социологические, политологические и культурологические составляющие и измерения

² Впечатляют сами по себе круги интеллектуального общения внутри юридической мысли эпохи. Сергей Муромцев, Павел Новгородцев, Иван Ильин, Габриэль Шершеневич, их зарубежные коллеги Рудольф Иеринг, Георг Еллинек, Отто фон Гирке, Рудольф Штаммлер, Ганс Кельзен и другие мыслители, оказавшие существенное влияние на развитие доктринального и аналитического языка юриспруденции. Данное направление в изучении права как системы юридических знаний нашло себя, прежде всего, в трудах Рудольфа Радбруха, автора «Введения в науку права», изданного в 1910 году и переведенного на русский язык в 1915 году, и Льва Петражицкого, открывшего значение языка психологии в описании и объяснении государственно-правовых процессов и институтов.

правовой реальности в предметных и понятийных рядах языков антропологии и социологии права, политической и культуральной юриспруденции.

Наступившая эпоха перемен внесла свои коррективы в отечественную действительность и, не ограничив себя революционными практиками социальных преобразований, затронула и юриспруденцию [29]. Имя правоведа Н.С. Тимашева, продолжившего традицию формирования новой методологии в изучении права и внесшего существенный вклад в понимание социальной природы правовых категорий и понятий, было вычеркнуто из истории отечественной науки [30; 31, с. 160–170]. Столь же крупная утрата становления культурно-социологического направления отечественной юриспруденции имела место в лице Г.Д. Гурвича, разработавшего концепцию макро- и микроуровней правовой реальности и языков ее описания и объяснения. Активный участник круга социологических исследователей права, как исторического опыта социального общения в разнообразных аспектах и процессах его проявлений, Гурвич ввел в аналитический оборот такие важные категории современного правопонимания, как плюрализм существования разнообразных социальных и культурных формаций и понятие социокультурной обусловленности правовых институтов [32; 33].

Философско-аналитические основания различия предмета и языка формально-догматической и социокультурной юриспруденции, заложенные в предреволюционный период развития правовой науки, были благополучно забыты в наступившие темные времена советского правопорядка. На смену правоведению в собственном и плюралистическом смысле данного явления и понятия пришло законоведение. Наступила эпоха закрытой и завершенной в себе политико-правовой теологии в понимании природы права, выработанной в 1938 году крупнейшим собранием представителей советской юридической мысли. Главным событием соборной деятельности стало появление канонической формулы классового права или правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу [см.: 34]³.

В определении был установлен исчерпывающий арсенал возможных аргументаций нового законопорядка: и доктринальная манифестация позитивизма в его этатистской версии абсолютной веры в магическую силу любых решений государства; и воплощение шопенгауэровской формулы мира как

³ Правовой язык — социальный институт и факт культурной психологии эпохи. Настоящая и будущая реальность уже эвентуально, а не только ее проявлениями, была априори заключена в тексте господствующего глубинного сознания эпохи, в формальной лексике, грамматике и дискурсивной логике которого живет политика бесправия и насилия над самой реальностью. Догматический язык выражает реальность в санкционированных представлениях о правопорядке. Догматические представления о правовой реальности творят единственный законопорядок.

воли и представления в редакции никем и ничем неограниченной власти в идеологических представлениях единственно верного учения. Господствующая идеологема победившего все и вся класса действует по настоящее время, правда, с известными вариациями на тему правового государства и гражданского общества, сохраняя и охраняя доктринальное и формальное наследие прошлого. Можно бесконечно долго ходить вокруг да около, размышляя на тему государства граждан, оформивших свои отношения в определениях конституции — своего рода политико-правовом контракте, забыв при этом, что исходным основанием политического соглашения выступает концепт *«доверие государству»*. Доверие не безгранично. Сегодня оно есть, а завтра его может и не быть. Это рано или поздно расходуемый культурно-психологический феномен.

Провозглашенная носителями передовой юридической мысли доктрина получила развернутое догматическое закрепление в первом официальном учебном курсе С.А. Голунского и М.С. Строговича [35]. Из доктринального гнезда марксистско-ленинского учения о власти выпорхнула вся отечественная догматическая юриспруденция, живущая ее аналитикой до настоящего времени [36; 37; 38; 39; 40]. Вклад И.А. Покровского [41], И.Д. Левина [42], Я.М. Магазинера [43], Б.Б. Черепяхина [44] и многих других, утонувших и всплывших в эпоху перемен, составляет сегодня золотой фонд теоретического правоведения. Лишь в начале 1970-х годов стали пробуждаться к теоретико-правовой жизни отдельные веяния если не нового правопонимания, то более широкого аналитического контекста оснований развития права [45]. Появились переводы зарубежных лингвистов и правоведов, в которых были представлены если не итоги развития современной социальной науки и юриспруденции, то отдельные методологические подходы в изучении права, адаптированные к наличной действительности [46; 20; 47].

Особое место в аналитическом контексте становления современной юриспруденции заняла работа А.М. Васильева, обозначившая новое направление в развитии правовой науки, связанное с изучением категориального языка права и его знаниевых форм выражения [48]. Новизна исследования, помимо общих методологических посылок в изучении правовых категорий, их места в системе правовых знаний и группировок в исторические и логические понятийные ряды, состояла во введении в научный оборот нетрадиционных конструкций генезиса права и исторических типологий права. И, что особенно важно для развития отечественного теоретического правоведения, выделение в составе аналитических построений научной дисциплины категории «метатеория права» или в современной редакции — «теория теории права». Следует отметить, что авторская концепция исследования исходила из четкого различения предмета изучения собственно права и структуры знаний о праве, что в современной дисциплинарной логике развития самой юридической науки уже составляет предмет эпистемологии права.

Однако, в системе категориально-понятийных рядов Васильева, как и в отечественной юриспруденции того периода, сохранял и воспроизводил себя принципиальный момент в понимании логики организации и функционирования ее правовой системы в целом, а именно, отсутствие онтологического различения категорий и понятий макро- и микроуровней существования и аналитического описания правовой реальности. То есть, различения языка микро- и макроюриспруденции — юридических картин мира эпохи, стиля и форм правового осмысления действительности, глубинных факторов и механизмов воспроизводства права. По существу, из предмета юридической науки выпадали категории и понятия, определяющие онтологические основания права и, соответственно, связанных с ними правовых феноменологии и эпистемологии. Дисциплинарная структура и методология юридической науки вращалась вокруг таких единиц догматического анализа, как нормы права, правоотношения и источники права и тому подобное в их формальных значениях, а не в социокультурно и концептуально разноуровневых контекстах понимания и объяснения системы и структуры языка явления и языка понятия права. Время расставляет свои акценты и то, что произвело впечатление при появлении монографии, сегодня воспринимается как живая архаика родного позитивизма [49]⁴. Все-таки всему свое время. Каждая историческая эпоха живет своими концептуальными смыслами.

Новые подходы в изучении практического языка права и аналитического языка науки права нашли и обозначили себя как культурный и лингвистический повороты в историческом развитии систем знаний [50; 20]⁵. Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка формальных юридических текстов, следует отметить абсолютную [51, с. 17–18; 52] недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не только язык догматических высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это культурная грамматика насыщенных воображением

⁴ Одна и та же работа в контекстах своего времени и чужого времени имеет различное содержательное наполнение. Она может либо остаться частью новой концептуальной жизни, либо быть предметом исторической семантики и исторической эпистемологии. Новая среда обитания текста при внешнем его тождестве прочитывает его уже в системе другого языка и дискурса. Текст — живая ментальная реальность. Это проявление контекстуальности текста стало предметом размышлений еще во времена Р. Козеллека.

⁵ Идея структурных сдвигов или смены парадигм в терминах Т. Куна имела глубокие последствия в развитии теории социальных изменений, описывающей переходные процессы в системе социально-экономических и политико-правовых институтов. Любой институт самоопределяет себя в терминах своего языка. Поэтому включение в научный оборот категории «язык» в качестве ключевой модели и техники описания и объяснения институциональных изменений оказало глубокое влияние на развитие социальной науки и получило общее наименование лингвистического поворота. Важно было понять только один существенный момент и аспект роли практического языка институтов и аналитического языка науки. Что первично, а что вторично в развитии социальных систем — повороты языка институтов или повороты языка понятий, и какой механизм определяет политику приемлемости или неприемлемости принимаемых решений, их своевременности и адекватности.

и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, то есть юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативно-правовых актов, а то, в чем и чем живет текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства.

Изучение лексики и семантики понятийного поля конкретной исторической эпохи лежит в русле современных тенденций развития социальных наук. Этот эпистемологический сдвиг нашел свое выражение в появлении двух школ концептуальной истории языка и теории знаний — школы эволюции языка понятий Р. Козеллека и Кембриджской школы эволюции языка идей в контекстах своего исторического существования и понимания К. Скиннера. Обе школы историографии понятий и идей возникли практически одновременно, как востребованная культурно-исторической практикой потребность установить основные тенденции развития социально-политических процессов через изменения и трансформации языков социального общения, понимания и поведения. При известных различиях в предметах и методологии изучения динамики изменений культурных смыслов и значений базовых категорий и институтов их объединяло главное в подходе к исследуемым явлениям и процессам. Ориентация на понятийные (Р. Козеллек) и доктринальные (К. Скиннер) комплексы в становлении, развитии и функционировании социально-политических систем исходила из общего понимания необходимости перехода от застывших в себе статичных представлений о различных сферах социальной реальности к текущим в своих определениях аналитическим конструкциям. Текущей социальной реальности должна корреспондировать только текущая понятийная, а значит языковая реальность.

История понятий школы Р. Козеллека и история идей школы К. Скиннера вместе с тем представляли различные концептуальные подходы в описании и объяснении развития социальной реальности. Картина мира континентальной традиции изучения социальных понятий отражала линейную логику понимания внутренних сдвигов смыслов и значений в процессе постепенного и последовательного наполнения их новым содержанием и была выражена структурой отдельных исторических слоев изменений лексики и семантики в определениях языков отдельных эпох. Картина мира англосаксонской традиции изучения политических идей акцентировала внимание на динамической стороне развития идей в рамочных определениях внутренних интенций развития и исторического контекста эпохи. Ее предмет составляла концептуальная борьба внутри идейно-политического словаря своего времени в динамическом силовом поле реальных интересов, мировоззрений и предпочтений.

Основные понятия рассматривались не только объектами лингвистического анализа языков объяснения или обоснования тех или иных институциональных и концептуальных практик их разработки и реализации,

но и в качестве индикаторов движения мировоззрений и миропониманий в длительном лаге исторического времени и меняющихся контекстах переходных эпох. Социальная психология восприятия и переживания реальности, выраженная в изменениях языков культуры своего времени, открывала глубоко спрятанные пласты сознания, выпадающие из анализа в системе только формально-логических языков их описания и объяснения. «История понятий, — отмечал Козеллек, — выступает посредником между историей языка и фактической историей» или историей пониманий и определений реальности [53]. Аналогичная концептуальная парадигма была также высказана Скиннером в его программной статье, опубликованной в 1969 году: «Итоговая дилемма в рамках моей нынешней задачи может быть сформулирована в ключевом по форме... предположении, что те модели и предварительные представления, в терминах которых мы неизбежно организуем и к которым приспособливаем свои впечатления и мысли, сами будут влиять на то, что мы думаем или ощущаем» [54].

При всех своих различиях концептуальные позиции школ были идентичны в том отношении, что они придавали фундаментальное значение языковым и дискурсивным аспектам и аналитическим техникам изучения социальных и политических категорий, что, разумеется, касается в полном объеме их содержательных экспликаций и такой базовой категории правовой науки, какой является юридический текст; причем текст не в формальном, а в широком социокультурном (ментальном и когнитивном) значении своего понимания и определения. Всё, с чем имеют дело практикующие и теоретизирующие юристы, есть текст в определениях практического и аналитического языка своего исторического времени. Право одновременно институциональная и языковая реальность — концепт и конструкт. Правовые категории как отображения языка своей исторической эпохи, ее лексики, семантики и грамматики меняются вместе с социокультурными основаниями своего существования и развития. Своевременно или с опозданием — это уже вопрос качества правовой реальности в ее всевозможных измерениях и составляющих, а также законодательно-правовой политики — важнейшей компоненты и инструмента развития или стагнации права.

Очевидно, что важно обладать адекватным языком описания и объяснения возникающих проблем, поскольку язык понятий не только отражает реальность, он также ее постоянно проблематизирует и производит. Отечественная социальная наука, существуя на периферии современных программных тенденций ее концептуального развития, постоянно открывает для себя нечто как новацию, что давно превратилось в уставшую от самой себя традицию. Базовые тексты вводятся в научный оборот либо со значительным опозданием и сразу становятся предметом историографии, либо для поддержания духа открытия нового в глубоко старом раскручивают немислимые для нормального понимания предмета концепции. Научные и издательские пути новой аналитики истории понятий и истории

идей неисповедимы, они живут и продолжают жить своей скрытой жизнью [55, с. 298–319; 56, с. 22–74]⁶.

Правовая культура проявляет себя в политике признания того, что концептуальные основания права, его аналитические объяснения и обоснования не только предвеляют институциональное и нормативное развитие отдельных правовых систем, но и устанавливают онтологические границы возможных изменений и усвоения новых институтов и подходов их изучения. Понимание архаических мифов, религиозных воззрений и научных понятий в качестве социальных институтов, выражающих и определяющих цивилизационную принадлежность экономических и политико-правовых систем, составило фундаментальный вклад в аналитический язык европейской культурной антропологии, социологии и лингвистики эпохи модерна. Языки социальной практики и теории обладают и формальной, и концептуальной нормативностью, расширяя или сужая границы объяснения наличной реальности и воздействия на формы и тенденции ее развития. Социокультурный и концептуальный транзит выработанных историей мировоззрений и артикулирующих их ценностей, лексики и семантики может быть успешным, если культуры понимания и объяснения их смыслов и значений в основных категориях, а также определениях, практиках взаимодействия отдельных социальных систем и правопорядков связаны общими ментальными и когнитивными источниками существования, мотивациями поведения и действия и вытекают из них.

Языки характеризуют инструментальные свойства переводимости и усвоения актуальных содержаний одной социокультуры в другой, границы и способности языковых обменов между различными системами своего культурного наследия⁷. Возможные концептуальные ловушки, возникающие при этом, охарактеризовал П. Вирно: «Здесь мы имеем дело с представлениями, не имеющими истории и лексикона» [57]. Постоянные смещения словаря значений свидетельствовали о более значимых и глубинных ментальных

⁶ Так, программная статья Р. Козеллека «Социальная история и история понятий», в которой были изложены фундаментальные подходы и темы концептуальной истории и теории понятий, написанная в начале 70-х годов прошлого века, была опубликована в сборнике «Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков» в 2006 году. Программная статья основоположника Кембриджской школы истории идей К. Скиннера «The State» была опубликована в 2002 году.

⁷ Классический пример неполноты и неадекватности лексико-семантических заимствований приведен в работе Александра Бикбова «Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность». Работа знаменитого французского ученого, культуролога и лингвиста Эмиля Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов» (Москва, 1995) в переводе потеряла свое самое главное семантическое значение. Категория «институт» при переводе была переформатирована в слово «термин», что радикально меняло концептуальный смысл исследования. Можно полагать, что вопрос заключен не столько в неадекватном переносе значений одного языка на другой, вопрос скорее в различии культуры понимания смысла и значения используемых понятий. Аналогичная ситуация повторилась с работой британского теоретика искусства Майкла Баксандалла «Patterns of Intention. On the Historical Explanation of Pictures», изданной в 1985 году и переведенной на русский язык под названием «Узоры интенции. Об историческом толковании картин» в 2003 году. Говорить о несовместимости исторической семантики понятия «паттерн» и слова «узоры» полагаю излишним.

основаниях отклонений в предметах понимания явлений, связанных с различиями природы социального мышления в отдельных культурах их выражения. При переводе на русский язык новой работы М. Баксандалла «Живопись и опыт в Италии XV века: введение в социальную историю живописного стиля», впервые опубликованную издательством Оксфордского университета в 1972 году, редакторы сочли возможным и позволили себе изменить такой элемент авторской концептуализации предмета исследования как подзаголовков книги, в котором была зашифрована базовая интенция исследования. А именно, формула «Букварь социальной истории живописного стиля» [58]. Ничего не поделаешь, образ жизни и образ мыслей автора текста, переводчика и читателя никогда не совпадают, — феномен интертекстуальности [59; 60]. Это говорит только об одном: все перечисленные ролевые субъекты имели перед собой письменный текст, представленный различными культурными текстами и прочитанный языками — автора, переводчика и читателей. Мы живем в разных языковых мирах, поскольку мыслим различными социокультурными категориями и понятиями. Остается только развивать способность видеть другой мир в его действительном свете, то есть на языке собственных культурных смыслов и значений.

Генезис языковых формаций

Прежде всего необходимо развести категории «право и язык нормативных определений практической юриспруденции» и «наука права и язык аналитических определений теоретической юриспруденции». По существу, основной предмет в изучении права заключается в определении, с одной стороны, что есть право и что не есть право, а с другой стороны, что есть наука права и что не есть наука права. Проблема состоит в том, что юридический язык данных проявлений правовой реальности, языки правовых институтов или институциональной составляющей правовой системы и языки понятий или концептуальной составляющей правовой системы (хоть и обе подсистемы являются органическими частями общей правовой системы) выполняют различные функции в социальном механизме формирования, становления и развития правопорядка — регуляторную и познавательную. Язык институтов или определений нормативных актов переходит в язык понятий, а язык аналитических понятий переходит в язык формальных институтов. Социокультурный трансфер институтов и понятий и их заимствований протекает в непрерывной явной и скрытой борьбе доктринальных представлений о должном и недолжном порядке социальных отношений.

Среди множества конкурирующих направлений научной рефлексии на предмет правил поведения и форм знаний о правилах поведения, что составляет предмет особой дисциплины в общем корпусе правовой науки — юридической историографии, особое место занимает проблематика эволюции систем юридических знаний на различных фазах культурно-исторической

эволюции права. Юриспруденция пребывает в состоянии непрерывного поиска новых подходов и методов, выражая эту интенцию в истории становления классических и неклассических теорий и концепций описания и объяснения правовой действительности. Расширение дисциплинарного кластера юридической науки, включая антропологию и социологию права, сравнительное правоведение и юридическую лингвистику, вполне закономерно [61, с. 30–99; 14; 62; 63; 50; 64; 65]. Общий предмет исследования составляет эволюция правовых институтов, юридических картин мира и юридических знаний, в совокупности раскрывающих социальные и культурные изменения языков правового общения в различных контекстах эпохи домодерна, модерна и постмодерна.

Языки права *эпохи домодерна* — по факту происхождения и генезиса социоприродные языки. Языки без собственной истории, истоки которых спрятаны в глубине времен. Это праязык, язык юриспруденции звука, жеста и инициаций [66]; язык социоприродных фактов и ритуальных практик; язык архаической картины мира и язык юриспруденции мифа. Реконструкция соционормативной организации первоначальных сообществ, как правило, осуществляется в рамках археологических и этнографических источников с использованием методов исторических типологий и аналитического языка историко-генетической юриспруденции [67; 68; 69, с. 28–36; 70]. Изучение языка правовой архаики позволило расширить понимание его исторической и культурной функции в процессах формирования институтов эпохи домодерна. Генезис юридического языка лежит в основании генезиса социальных институтов, поскольку язык социального общения как таковой является социальным конструктом, то есть институтом. Переход от жестких и закрытых техник социально-нормативной регуляции к более эластичным, гибким и персонифицированным формам языка правового общения открыл новую юридическую перспективу формирования дуалистической модели правопорядка в составе институтов публичного и частного права [71].

Язык права *эпохи модерна* — это уже язык социокультурного процесса, язык исторического контекста меняющегося во времени и пространстве, язык линейного развития и существования социальных отношений, требующих религиозной, моральной и политической легитимации и санкций [72; 73; 74; 75; 76]⁸. Это язык осмысления социальной реальности в системе

⁸ К сожалению, в отечественной традиции политических и правовых исследований термин «*политическая юриспруденция*» не прижился. И проблематика данной научной дисциплины идентифицируется с имеющей весьма высокий концептуальный статус *историей политических и правовых учений*, что с методологической точки зрения не вполне корректно, поскольку стирает различие между собственно теорией и историей вопроса взаимозависимости и транзита языка правовых понятий в политические институты и наоборот. Это также имеет негативный эффект и в прагматическом отношении в части развития такой практико-ориентированной составляющей юриспруденции как *правовая политика*. Фактическое исчезновение из образовательного процесса «истории политических и правовых учений» и низкий уровень аналитической разработки проблематики правовой политики вносит неопределенность в понимание действительной логики процессов, протекающих в этой междисциплинарной и трансграничной сфере научного и практического развития.

концептуальных определений и понятий своей социокультуры. Язык понятий в отличие от социоприродного языка включает в себе множество слоев исторических значений, пребывая одновременно в своем прошлом, настоящем и будущем. Языковые формации права и науки права, исторически существующая в определениях правовой мифологии, правовой теологии и правовой теории, составляют предмет культурно-исторической юриспруденции — междисциплинарного комплекса, позволяющего исследовать отдельные аспекты правовой реальности как одновременно институциональной, концептуальной и языковой реальности в общей структуре их взаимных отношений и пересечений.

Историография вопроса эволюции аналитического языка юриспруденции имеет глубокую исследовательскую традицию [77; 78; 79; 80; 81]. Мы остановимся только на инвариантных и рамочных характеристиках данного социокультурного явления и процесса. Следует иметь в виду, что эпистемические основания различия отдельных исторических форматов правовых знаний связаны и определяются различиями юридических картин мира, в рамочных концептах которых собственно и протекает познавательный процесс как разновидность социокультурного процесса. Эволюция права — это не только эволюция правовых институтов или типов нормативности и типов рациональности или догматики и аксиоматики знаниевых систем. Это, прежде всего, смена юридических картин мира или социокультурных, ментальных и когнитивных матриц социального общения, смена культур понимания цивилизационной принадлежности отдельных видов правовых систем или гештальта в определениях мифопоэтической, религиозно-символической или рационально-логической техник осмысления окружающего мира.

Мифопоэтическая юридическая картина мира образует исторически первоначальное основание формирования эгалитарных правовых систем. В подобной модели нормативное регулирование основано на принципе концептуального тождества или переносе отношений с природным миром на социальную реальность, являющуюся в своей онтологии социоприродной. Именно в этом смысле традиционное право представляет симбиоз природного и социального начал в организации этнически маркированных форм общения. Ключевые элементы наличных форм юридических знаний выражены системами тотемных классификаций, генеалогий, инициаций и культов предков. Жесткая социокультурная матрица регулирования поведения, основанная на традициях и запретах, знаниевые формы первоначального права жестко ограничены коллективными формами восприятия и переживания окружающей действительности. Исторически следующая религиозно-символическая юридическая картина мира образует культурно-историческое основание системы вероучительных знаний о правопорядке. Само представление о должном порядке обладает абсолютной нормативностью. Ключевой принцип юридического знания о мироустройстве состоит в признании невидимого и видимого начал или правопорядка, основанного

на различии небесного и земного, космоса и таксиса. Подобная теологическая модель нормативного регулирования исходила из принципа иерархии и доминирования сакрального права над профанным или юриспруденции веры над юриспруденцией повседневности. Фундаментальные религиозные тексты и их канонические интерпретации лежали в основании ветхозаветной, новозаветной и коранической юриспруденции. Социокультурная матрица регулирования поведения представлена в определениях и квалификациях греха и неотвратимости воздаяния. Современная рационально-логическая юридическая картина мира составляет культурно-историческое основание существующих светских правовых систем. Ключевой принцип как аналитики, так и правообразования лежит в техниках логического выведения формальных правил от общего к конкретному или от конкретного к общему. Данный универсальный принцип пролегает в основании формирования позитивного права, что нашло свое концептуальное и нормативное выражение в различии систем континентального и англосаксонского, законодательного и прецедентного права.

В литературе вопроса принято различать и аналитически разграничивать эволюцию языков права и науки права по отдельным историческим периодам, фиксируя одновременно переходные фазы в развитии систем юридических знаний, рассматривая их в определениях классической, неклассической и постклассической юриспруденции со своими предметами исследования, аналитическим инструментарием и дисциплинарной структурой. Классическая юриспруденция как система категорий, понятий и дефиниций, содержание которых связано определениями нормативно-правовых актов, в своей завершенной форме представлена формально-догматической юриспруденцией. Уже в наименовании данной концептуальной формы организации юридических знаний заключены ее онтология, аксиология и эпистемология. Формально-догматическая юриспруденция — юриспруденция аксиоматических нормативных суждений как в части понимания своего предмета, так и доктринальных оснований и понятийного языка, выводимого из законодательных актов. В этом смысле наименование «законоведение», видимо, в большей степени отвечает ее научному статусу, чем «правоведение». Важнейшее качество дисциплины, раскрывающее ее место в системе социальных и политических наук — междисциплинарность, ограничено весьма узким диапазоном пересечений предметов и методов анализа.

Аксиоматика формально-догматической юриспруденции нормативна во всех проявлениях понимания своих доктринальных оснований, границ своего предмета, языка своих категорий и понятий. Это юриспруденция формально-логических суждений о праве, выводимых из законодательных актов, и в этом смысле наименование «законоведение» в большей степени соответствует ее научному статусу, чем правоведение. Дисциплинарный кластер классической юриспруденции охватывает традиционный набор отраслевых правовых дисциплин, включая философию и социологию

права. Формально-догматическая юриспруденция, консервативная по своим теоретико-методологическим основаниям, продолжает нести бремя апологии наличного правопорядка. В этом и состоит, видимо, в известном отношении ее позитивная черта, предохраняющая от размывания своего главного предмета, — нормативного понятия права и своей правовой системы в целом. Формально-догматическая юриспруденция последовательно отстаивает собственное место в общей системе юридического знания, активно сопротивляясь попыткам изменения своего концептуального ядра и ограничению собственной монополии на определение содержания и языка выражения, интерпретации и использования позитивного права. Ответом на вызовы актуальной потребности комплексного видения своего предмета и методологии стало появление особого знаниевого формата дисциплины — энциклопедии права [82]⁹. Формально-догматическая юриспруденция, безусловно, сохраняет свое аналитическое и юридико-техническое значение. Ее место в системе практико-ориентированной юридической науки не могут заменить никакие новые подходы и версии правопонимания. Это аксиома, не требующая особых аргументаций и доказательств. Юридическая аналитика правовой догматики и аксиоматики так же необходимы для понимания и воспроизводства права, как и концептуальные новации.

Право — это не только и не столько формальный текст и язык его определений. Если мы хотим понять и принять действительную природу права в культурно-психологическом контексте его существования и форм выражения, следует выйти за рамки догматического понимания права при всем практическом значении юридической формы категоризации, концептуализации и конструирования социальной реальности. Право — это не только и не столько провозглашенный или санкционированный текст и язык, представленный в различных лексических, грамматических и жанровых формах. Право пронизывает все аспекты социальной реальности. Сама социальная реальность есть юридический текст и язык, но в их культурно-исторических смыслах и значениях. Право в своей внутренней глубинной онтологии — феномен социокультуры и проявление исторической психологии своего времени.

⁹ Формат учебного пособия лишь подтверждает ранее высказанный тезис. На вершине юридического олимпа продолжает царствовать позитивистская версия понимания права в ее трех редакциях — этатизм, легализм и реализм и их совместное дитя — законоведение в теории и практике. Тридцатилетняя война с либертарной теорией права закончилась тихим исходом последней на кладбище истории политических и правовых учений. Развитая историческим временем традиция самосохранения обеспечила собственное существование в объятиях официально санкционированной формы осмысления правовой действительности. Ограниченная содержательно и формально новация, связанная принципом концептуальной и языковой относительности, не мешает быть тем, чем всегда была формально-догматическая юриспруденция, — научной дисциплиной, предметом которой является право как таковое (*per se*) без каких-либо нежелательных концептуальных примесей — метафизики, герменевтики, синергетики и других проявлений буржуазной правовой мысли. Вопрос концептуальной сущности юриспруденции эпохи постмодерна остается открытым. Позитивизм как научное наследие и концептуальная перспектива развития отечественного права, видимо, бессмертен.

Язык юриспруденции не только язык юридических конструкций и формальных дефиниций. Это язык переживаний и отношений, ценностных суждений и метафизических интуиций нового неба и новой земли, — язык социокультуры и исторической психологии ожиданий грядущего будущего. Это еще много чего, чего мы еще не знаем, но можем только догадываться, прячась в привычные формы и стереотипы мышления и поведения. Но это видели и понимали на грани скрытых умонастроений и интуиций в поиске новых интеллектуальных континентов в бесконечной вселенной слов, текстов, знаков и дискурсов разработчики концептуальных манифестов и исследовательских программ Мишель Фуко, Ролан Барт, Умберто Эко и другие первопроходцы, находящиеся в тени настоящего для предвидения будущего за границами ментальных и когнитивных представлений уходящей классической эпохи [83].

Неклассическая юриспруденция в этом отношении, не претендуя на безусловную аналитическую достоверность и исключительность, пришла и заняла свою исследовательскую нишу, внося уже фактом своего появления изменения в предмет и дисциплинарную структуру правовой науки. Этому есть все основания, заключенные, прежде всего, в самой правовой действительности, в ее онтологии и феноменологии. Право — сложная социокультурная категория, — оно и институт, и концепт в их взаимных отношениях и определениях. Это одновременно и институциональная, и концептуальная, и культурная реальность. Это комплекс сложных динамичных связей и пересечений интересов, воли и ценностей, выражаемый на языках права и науки права, языках практической и теоретической юриспруденции. И здесь такие фундаментальные качества в развитии и преобразовании систем правовых знаний, как контекстуальность и междисциплинарность, являются исходными эпистемическими основаниями формирования нового аналитического языка, — языка неклассической юриспруденции.

Формально-догматическая юриспруденция видит то, что должна и может увидеть в определениях выработанного собственной практикой категориально-понятийного языка. Она знает о праве ровно то и столько, что требует государственная законодательная политика — источник и критерий формальной истины. Неклассическая юриспруденция открывает новые концептуальные рамки осмысления феномена права и аналитических аргументаций, являясь источником и основанием конкурирующих между собой версий понимания, описания и объяснения феномена права в разнообразных формах дисциплинарных репрезентаций. Дисциплинарный кластер неклассической юриспруденции носит сегментарный характер. Междисциплинарная логика и структура аналитических определений внутри отдельных дисциплинарных комплексов — антропологии права, правовой лингвистики, сравнительного права, культуральной юриспруденции с ее историческими словарями языков эпохи — лексикой, жанровыми формами и образами права, ставит неклассическую юриспруденцию перед

проблемой поиска сложных форм построения ее общего предмета [82]¹⁰. Механический формат организации юридического знания — энциклопедия права — уходит на периферию, сохраняя свое значение в качестве учебной дисциплины. Переход от формата классической к формату неклассической юриспруденции смещается в направлении формирования новой эпистемологии права, выраженной в понятии «интегральная юриспруденция» или «аналитический синтез» в построении предмета, содержания и структуры правовой науки.

Новые темы и проблемы в системе юридических знаний *эпохи постмодерна* связаны с процессами становления и развития глобальных систем трансграничных отношений и обменов институтами и языками права [84; 85; 86; 87]. Постмодернистская культура рассматривает язык определений и понятий в качестве глубинных эпистемических оснований развития институтов. Институты права, прежде чем стать фактом социально-правовой реальности, существуют в форме концептов. Язык юриспруденции — составная часть правовой системы и правосознания своей эпохи. Изменения юридических картин мира влекут изменения в составе и структуре ее понятийного поля, изменения модальности лексики, семантики и грамматики конкурирующих порядков жесткого или мягкого, национального и глобального права. Современная ситуация понимания права является выражением целого веера возможных вариантов и переходных состояний в развитии эпистемологии юридических знаний, а именно — эпистемологии классической юриспруденции в системе определений языка дефиниций нормативно-правовых актов, эпистемологии неклассической юриспруденции в системе определений языка конкурирующих аналитических подходов, эпистемологии постмодерна в системе определений глобального языка трансграничных институтов [89; 90; 91, с. 12–26; 92, с. 229–239].

Предмет юриспруденции постмодерна — правовой язык как универсальная форма мышления и понимания действительности, исторические типы и коллизии нормативности жесткого и мягкого права, исторические типы и коллизии социокультурных оснований права в глобальном контексте открытых и закрытых правовых систем. Парадигма и концепции постмодерна вытекают из понимания и определения новых функций языка эпохи перемен. Язык юридической науки не только описывает и объясняет право в различных модусах его существования и проявлений, — юридический язык производит правовую реальность. Социально-правовая реальность существует и манифестирует себя в определениях языка своей исторической эпохи. Язык как таковой обладает эпистемической нормативностью и сам в себе устанавливает нормативные границы существования и определения социальной реальности. Управление языком социально-правового общения

¹⁰ Современный междисциплинарный подход в исследовании права развивает теоретические взгляды на право в единстве концептуальных суждений и формальных правил, оценочных высказываний и аналитических определений.

одновременно есть управление коллективным и индивидуальным сознанием и поведением [93, с. 43–60; 94; 95]. Дисциплинарный кластер постюриспруденции формируется в парадигме концептуальных определений правовой герменевтики, когнитивной юриспруденции, исторической семантики и семиотики юридического текста [96, с. 509–560; 97].

* * *

Глобальный мир требует унифицированного сетевого языка социального общения. Борьба за доминирование отдельных групп интересов и конкурирующих программ глобального правопорядка открывает новое поле правовых исследований. Эта тема и проблема была поставлена еще на заре становления глобальной парадигмы социального развития [98, с. 197–206]. Тема мягкого права и дискурс-анализа в эпистемологии права также нашла себя в отечественной теоретической юриспруденции [99; 100, с. 140–159]. Концептуальное основание правовой культуры постмодерна — юриспруденция языка мягкого права и глобальной унификации в системе отношений и пересечений трансграничных институтов [101]. Юриспруденция постмодерна — юриспруденция языка трансграничных институтов в структуре сетевых отношений. Значение концепта «мягкое право» в образовании институтов и понятий постмодерна фундаментально. Во-первых, данный концепт определяет разнообразие ландшафта юридических дискурсов; во-вторых, он образует аналитическое основание языка юриспруденции постмодерна; в-третьих, санкционирует подвижные нормативные основания формирования и применения права постмодерна. Право постмодерна в отличие от права модерна характеризует открытость и эластичность языка трансграничных институтов.

Отсюда и проистекают конститутивные принципы правовой реальности постмодерна притягательные своей функциональной инновационной сущностью — консенсуальность, конвенциональность и инклюзивность права нового будущего. Принцип *консенсуальности* структурирует коммуникативные основания сетевого общения в системе глобального права. Принцип *конвенциональности* выражает формальные основания вхождения в социальный и культурный механизмы трансграничного права как права без границ. Принцип *инклюзивности* означает включенность в процесс реализации общих проектов на условиях равноправия всех заинтересованных сторон. В каждое время постмодерн — не исключение, он рождает свои ментальные утопии и социальные ловушки.

Общая конструкция институтов и языка трансграничного права в практиках глобальной унификации национальных правопорядков сегодня нашла признание в концепции мягкого права, рассматриваемого в качестве и нормативного, и аналитического ядра правовой системы постмодерна. В аналитически развитой форме концепт глобального трансграничного и наднационального правопорядка, а также связанной с ним мягкой

политико-правовой аргументации сегодня представлен и разработан достаточно полно [102, с. 30–71]. Правовая традиция и правовая новация встретились лицом к лицу, чтобы выяснить: кто же в поисках формальной определенности в ситуации неопределенности языков социальных коммуникаций и культурных предпочтений останется в живых, — право национального суверенитета или право трансграничных коммуникаций и юрисдикций.

Язык наличного права — это язык правовых институтов и концептов, язык прикладной и теоретической юриспруденции или язык правовых конструкций и правил, аналитических определений и понятий своей исторической эпохи, и тем самым является в своей онтологии и аксиологии препятствием на пути к новому цифровому будущему. Регулярный обмен языками правовых институтов и понятий между национальными социально-правовыми системами в современном мире — очевидный факт, поскольку история развития права — это одновременно история заимствований институтов, концептов и ценностей. *Сегодня требование открытости изменениям в своей генеалогии является, прежде всего, политикой отбора представлений, отвечающих актуальной повестке воспроизводства глобального цифрового миропорядка; реальности, в которой будут только действительно реальны невидимые границы социального ядра и социальной периферии; реальности, в которой ни у кого не будет своего будущего, кроме того, которое живет языком цифрового права.* Институт ID граждан открывает широкие перспективы сетевого поведения, в котором правовое общение будет ничем иным, как завершенным в себе выражением иерархии с односторонней формой зависимости. В нем не будет лиц, а только цифровой язык безликих полей и единиц, в котором все социальные роли, ниши и позиции будут изначально заданы и распределены, а будущее продолжит свой путь без гуманитарных ценностей.

Список литературы

1. Буссе Дитрих. История понятий — история дискурса — лингвистическая эпистемология // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. Научный сборник. М., 2007.
2. Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 2023.
3. Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы средних веков и раннего Нового времени. М., 2015.
4. Понятие первенства. Истоки и контексты. Коллективная монография. М., 2022.
5. Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков. М., 2016.
6. Гаджиев Г. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
7. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М., 2021.
8. Пелипенко А.А. Постигание культуры. Часть 2. Мифоритуальная система. Книга 1. Медиационная парадигма. М., 2017.
9. Хокинг Я. Историческая онтология (2002). М., 2024.

10. Райнах А. Априорные основания гражданского права (1913) / Райнах А. Собрание сочинений. М., 2011.
11. Гуссерль Э. Идея феноменологии. Пять лекций. М., 2018.
12. Умберто Э. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М., 2016.
13. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2016.
14. Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008.
15. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
16. Мартин ван Гелдерен. Между Кембриджем и Гейдельбергом: понятия, языки и образы в интеллектуальной истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018.
17. Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
18. Культуральные исследования права /под общей ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб., 2017.
19. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.
20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук (1966). М., 1977.
21. Постклассическая онтология права / под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
22. Юридическое мышление. Классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.
23. Критические теории права: коллективная монография / под общей ред. Осветимская И.И., Тонков Е.Н. СПб., 2023.
24. В поисках теории права / под ред. Е.Г. Самохиной, Е.Н. Тонкова. СПб., 2021.
25. Самохина Е.Г. История юридических понятий в работах Бьярна Мелкевика / Бьярн Мелкевик. Заметки по истории правовых понятий. СПб., 2018.
26. Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903.
27. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
28. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
29. Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М., 2000.
30. Тимашев Н.С. Введение в социологию права (1939). СПб., 2021.
31. Антонов М.В., Тимашев Н.С. Поиск теории права через социологическую юриспруденцию // В поисках теории права. СПб., 2021.
32. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избранные сочинения. СПб., 2004.
33. Антонов М.В. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. СПб., 2013.
34. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938.
35. Голунский С.А. Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
36. Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946). М., 2009.

37. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
38. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
39. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций. Т. 1–2. Свердловск, 1972–1973.
40. Байтин М.И. Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001.
41. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (1917). М., 2013.
42. Левин И.Д. Суверенитет (1948). СПб., 2003.
43. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства / Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006.
44. Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве (1926) / Труды по гражданскому праву. М., 2020.
45. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. М., 1971.
46. Рене Давид. Основные правовые системы современности. М., 1967.
47. Пэнто Р., Гравитц М. Введение в изучение права и социальных наук / Методы социальных наук. М., 1972.
48. Васильев В.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
49. Козеллек Р. История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
50. Дорис Бахман-Медик. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017.
51. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
52. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
53. Козеллек Р. Введение / Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи. Том 1. М., 2014.
54. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей / Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018.
55. Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «Истории понятий» в России. Послесловие / История понятий, история дискурса, история метафор // Сборник статей. Перевод с немецкого. М., 2010.
56. Хархордин О.В. Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002.
57. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2015.
58. Мазур Н. Метод и опыт Майкла Баксандалла // Майкл Баксандалл. Живопись и опыт в Италии XV века. М., 2019.
59. Пьеге Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008.
60. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика. В поисках идентичности. М., 2013.
61. Лаптева Л.Е., Пахалов М.Ю. Исторические модели правового общения / Правовое общение. Постановка проблемы. М., 2012.
62. Постклассическая онтология права / под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
63. Юридическое мышление. Классическая и постклассическая парадигмы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2020.
64. Понятия, идеи, конструкции. Очерки исторической сравнительной семантики. М., 2019.

65. Постклассические исследования права. Перспективы научно-практической программы / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2023.
66. Темнов Е.И. Звучащая юриспруденции. М., 2010.
67. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. Исследования по общей этнографии. М., 1979.
68. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
69. Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3.
70. Мальцев Г.В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000.
71. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права. Исследования по римскому и сравнительному праву. В двух томах. М., 2021.
72. Берман Гаролд Дж. Вера и закон. Примирение права и религии. М., 1999.
73. Брольо Ф.М., Мирабели Ч., Онида Ф. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право. М., 2008.
74. Фуллер Л. Мораль права. М., 2007.
75. Карл Шмитт. Политическая теология (1922). М., 2000.
76. Martin Loughlin. Political Jurisprudence. Oxford University Press. 2017.
77. Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003.
78. Нерсисянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2000.
79. Норбер Рулан. Историческое введение в право. М., 2005.
80. Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки. М., 2016.
81. Честнов И.Л. История и методология юридической науки. Учебник. М., 2018.
82. Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. Учебное пособие. М., 2008.
83. Бланшо М. Голос, пришедший извне. М., 2023.
84. Энциклопедия правоведения и интегральная юриспруденция. Проблемы изучения и преподавания. М., 2013.
85. Манн М. Источники социальной власти: в 4 томах. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы. М., 2010.
86. Ханна Параг. Второй мир. М., 2010.
87. Ричард Б. Великая конвергенция и информационные технологии и новая глобализация. М., 2018.
88. Сакс Дж. Эпохи глобализации. География, технологии и институты. М., 2022.
89. Качанов Ю. Эпистемология социальной науки. СПб., 2007.
90. Эпистемология и логика мифа. М., 2017.
91. Слыщенко В.А. Методы сравнительного правоведения: замечания о культурологическом подходе к сравнительному праву // Ежегодник сравнительного права. 2011. М., 2011.
92. Беляев М.А. Кризис правовой теории как поиск уже найденного: феноменологический очерк / В поисках теории права. СПб., 2021.
93. Подвойский Д.Г. Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности / Нормы и мораль в социальной теории: от классических концепций к новым идеям. М., 2017.

94. Медушевский А. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5.
95. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
96. Андрианов Н.В. Воспроизводство права как проблема семиотики права / Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
97. Разуваев Н.В. Семиотические проблемы правовой антропологии / Социальная антропология права современного общества. СПб., 2006.
98. Кандидо М. В поисках глобальности: междисциплинарные устремления в социальных и естественных науках // Международный журнал социальных наук. Май, 1993, № 1.
99. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 9.
100. Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4.
101. Демин А.В. Мягкое право в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования. М., 2023.
102. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права / Проблемы постсоветской теории и философии права. Сборник статей. М., 2016.